

И тут он услышал спокойный голос Лу Гуйсюэ:

— А-Хань, ты умеешь ловить кроликов?

"Кроликов?"

Шэнь Лоухань растерянно кивнул, совершенно не понимая, к чему ведет учитель.

— На заднем склоне горы живут несколько выводков серых кроликов. Когда устроишься, найди время и поймай одного, — Лу Гуйсюэ опустил взгляд на жирного карпа в пруду и добавил: — Только приготовь его как следует. Покорми рыбу готовым мясом, сырое не давай.

"Зачем рыбе крольчатина? Да ещё и жареная?"

Шэнь Лоухань воззрился на карпа кои. Судя по его абсолютно пустому, остекленевшему взгляду, он полностью отказался от попыток осмыслить происходящее.

— Хорошо, — лишь на автомате вымолвил юноша.

И Шэнь Лоухань действительно отправился на задний склон горы. Ему и самому до безумия хотелось узнать, что за аномальная тварь скрывается под видом обычной рыбы.

За то время, что Лу Гуйсюэ держал кроликов на свободном выгуле, те успели полностью одичать. Они не то что не давались в руки — носились так стремительно, что исчезали из виду в мгновение ока. Нынешнему хрупкому телу Шэнь Лоуханя пришлось несладко: полдня карабкаясь по кручам и носясь по всему Пику Вечных Осеней, он едва не лишился сил, прежде чем сумел сцапать одного зверька.

Когда он, держа кролика за уши, вымыл его и отправил в котелок, в душе снова закралось подозрение: уж не выдумал ли Лу Гуйсюэ этот изощренный способ, чтобы попросту поиздеваться над ним?

Впрочем, Шэнь Лоухань давно привык к самостоятельности и до прихода на Цюншань натерпелся всякого, так что стряпня не представляла для него ни малейшего труда. В считанные минуты он приготовил сочную, истекающую жиром и душистым ароматом тушку.

Лу Гуйсюэ, разумеется, знал: кулинарный талант Шэнь Лоуханя не просто хорош — он безупречен. Как бы то ни было, этого с лихвой хватало, чтобы утихомирить прожорливую рыбу в пруду.

— Как пахнет... — не удержался от вздоха Лу Гуйсюэ, сидевший у лotosового водоема, когда увидел приближающегося юношу с подносом.

Услышав похвалу, Шэнь Лоухань сработал быстрее, чем успел сообразить его разум. Не успев толком осмыслить собственный порыв, он подцепил бамбуковой шпажкой румяный ломтик жареного мяса и протянул его прямо к губам Лу Гуйсюэ.

Юноша и сам не понимал, зачем это сделал: Лу Гуйсюэ ведь даже не просил о еде. Но, уловив в его глазах тень тихой признательности, Шэнь Лоухань мгновенно почувствовал непреодолимое желание отдать ему всё, что держал в руках.

Когда-то Шэнь Лоухань до вздрагивания жаждал хотя бы единого взгляда, хотя бы случайной похвалы от учителя, но так и не дождался. Ему казалось, он давно выжег в себе эту глупую жажду, однако тело вновь предательски опередило мысли.

— М-м? — Лу Гуйсюэ на миг опешил.

Он всего лишь хотел найти повод похвалить мальчишку — в конце концов, передовая педагогическая мысль гласила, что детям для гармоничного развития жизненно необходима поддержка. А учитывая, насколько глубоко Шэнь Лоухань повредился умом после своего очернения в прошлой жизни, щедрые похвалы казались крайне полезной профилактикой.

Вот только здоровье самого Лу Гуйсюэ находилось в плачевном состоянии. Его вспыльчивая старшая сестра-наставница — опытный лекарь — отдала строжайший приказ: кроме её снадобий и особой диеты не прикасаться ни к чему, а уж о жирном мясе и думать забыть. Если он осмелится нарушить запрет, старшая сестра попросту снесет ему голову.

— Мне нельзя... — начал было Лу Гуйсюэ, но, встретив молчаливый, неотрывный взгляд Шэнь Лоуханя, почувствовал, как сжимается сердце.

Он ведь давал себе клятву: в этой жизни сделать всё, чтобы защитить этого натерпевшегося горя ребенка.

— Разве что совсем крошечный кусочек... И ни слова моей старшей сестре, — Лу Гуйсюэ приложил палец к губам, призывая к тайне, и слегка подался вперед.

Его бледные губы на мгновение коснулись хрустящей корочки. Движение вышло настолько мимолетным, что Шэнь Лоухань чуть не уронил шпажку.

Пряный дух специй и запеченного мяса сплелся в идеальный вкус. Это было так восхитительно, что Лу Гуйсюэ неожиданно подумал: кормить подобной вкуснотищей жирного карпа — сушая расточительность.

Когда Лу Гуйсюэ наклонился ближе, до носа Шэнь Лоуханя донесся тонкий, едва уловимый прохладный аромат. Этот чистый, едва заметный запах мгновенно заглушил густой, тяжелый дух жареного жира.

Сердце Шэнь Лоуханя забилося так часто и гулко, что похвалы Лу Гуйсюэ прозвучали словно сквозь вату.

"Что я, чёрт возьми, делаю?"

Пытаясь скрыть нахлынувшее смятение, Шэнь Лоухань в пару шагов очутился у края пруда. Подцепив шпажкой кусок мяса, он задумался, как получше подкормить ненасытную рыбу. Не бросать же прямо в воду?

Однако додумать он не успел. Гладкая зеркальная гладь вдруг подёрнулась рябью, и толстый карп кои взвился в воздух почти в человеческий рост. Разинув пасть, он одним махом сглонул жареную крольчатину прямо со шпажки.

Шэнь Лоуханя с ног до головы обдало брызгами с резким рыбным запахом.

Но он даже не попытался утереться: перед глазами все еще стояла неестественно огромная пасть твари, усеянная двумя рядами острых, как бритва, зубов.

"Что за чудовище держит у себя в пруду Лу Гуйсюэ?"

Лу Гуйсюэ, судя по всему, давно привык к подобным зрелищам. Он спокойно сидел на берегу, наблюдая за кормёжкой с безмятежным и умиротворённым видом.

Когда с угощением было кончено, Лу Гуйсюэ похлопал по траве рядом с собой:

— А-Хань, присядь со мной.

Шэнь Лоухань не имел представления, что у учителя на уме, но послушно подошел и сел.

"Неужели он решил скормить меня этой твари на десерт?"

Однако Лу Гуйсюэ лишь мягко опустил на него взгляд, согретый кроткой улыбкой, и тихо спросил:

— А-Хань, у тебя ведь до сих пор нет подходящего меча?

Шэнь Лоухань молча кивнул. Так и было.

Будучи перерождением Древнего Владыки Демонов, даже с непробуждённой кровью, он вызывал лишь отторжение у духовных и бессмертных клинков в Мечевом павильоне Цюншани. Ни один из них не пожелал связать с ним судьбу. Поэтому юноше приходилось обходиться

самым обычным, массовым оружием, на котором тренировались адепты в Зале Боевых Искусств.

Вспомнив сюжет, Лу Гуйсюэ тихо вздохнул. Затем движением руки извлёк предмет из пространственного хранилища.

Это был меч. Его собственное связующее оружие — Меч Вспугнутого Лебеда.

Среди редких бессмертных клинков этот занимал особое место. На весь мир самосовершенствования насчитывалась едва ли сокрушительная сотня артефактов бессмертного класса, а мечей среди них едва набиралась десятая часть. Сколько заклинателей, посвятивших жизнь пути меча, страстно жаждали заполучить подобный сокровищный клинок, но так и умирали, не дождавшись желаемого!

Лу Гуйсюэ бережно держал Меч Вспугнутого Лебеда обеими руками. Обнажив малую часть лезвия, он протянул его юноше:

— Взгляни. Нравится ли тебе этот меч?

Клинок казался выточенным из чистого льда и снега; от него струилась тончайшая морозная аура, из-за чего всё оружие едва заметно мерцало в такт дыханию хозяина.

Лу Гуйсюэ подумал, что в прошлой жизни толком ничего не дарил Шэнь Лоуханю. Тот годами пользовался коваными заготовками из Зала Боевых Искусств. А поскольку сам Лу Гуйсюэ сейчас не мог в полной мере использовать Меч Вспугнутого Лебеда, лучше было отдать его ученику. К тому же разве не так учили руководства по прохождению? Дари редкие и ценные подарки, если хочешь завоевать расположение.

Но он никак не ожидал последующего. Едва пальцы Шэнь Лоуханя коснулись ножен Меча Вспугнутого Лебеда, юноша резко вскинул голову, его зрачки расширились. Вместо ожидаемого восторга им овладел панический рефлекс — он судорожно оттолкнул клинок!

Словно перед ним лежал не бесценный бессмертный меч, а смертоносная, занесшая жало гадюка.

Меч Вспугнутого Лебеда с чистым, хрустальным звоном упал на траву.

Лу Гуйсюэ замер в полном оцепенении.

Шэнь Лоухань неотрывно, заворуженно смотрел на упавшее оружие.

Если мгновение назад он и был смущен небывалой мягкостью Лу Гуйсюэ, то прикосновение к

этому клинку вмиг вернуло кошмары, терзавшие его долгие годы. Именно этот Меч Вспугнутого Лебеда когда-то пробил его плечо насквозь и сбросил на самое дно Демонической тюрьмы.

Сердце Шэнь Лоуханя бешено заколотилось, а в голове ледяным набатом отозвался тёмный, ядовитый голос:

"Как ты смеешь снова верить этому человеку? Ты ведь давно знаешь: Лу Гуйсюэ взял тебя в ученики лишь с одной целью — забрать твою жизнь."

Словно увлечённый этим голосом, Шэнь Лоухань погружался в ледяную бездну. Он не мог остановить этот безумный шёпот, вновь и вновь повторявший одно и то же имя.

"Лу Гуйсюэ. Лу Гуйсюэ. Лу Гуйсюэ..."

"Почему, даже пав так низко, ты всё ещё не отступаешь?"

"Весь мир глумится над тобой, считает ничтожеством, а ты всё равно готов удерживать меня рядом — ради всеобщего блага, чтобы в назначенный день заточить носящую демоническую кровь угрозу в Демоническую тюрьму."

Яростный огонь обожёг грудь Шэнь Лоуханя, взгляду вернулась прежняя бездонная тьма. Он зажмурился лишь на мгновение и тут же заставил себя распахнуть глаза. За доли секунды бушевавший буран эмоций был погребён глубоко в душе.

Шэнь Лоухань опустился на колени, с благоговейной осторожностью поднял упавший Меч Вспугнутого Лебеда и, держа его на вытянутых руках, склонился перед Лу Гуйсюэ.

Он поднял лицо — в его темных, едва влажных глазах сквозило беспредельное раскаяние, а голос слегка дрожал:

— Учитель, ученик слишком растерялся и проявил непростительную дерзость. Молю, простите мою оплошность. Мне... очень, очень нравится этот меч.

Лу Гуйсюэ растеряннo хлопал ресницами, пытаясь осознать произошедшее.

Поднять уровень благосклонности... на этот раз ведь получилось, верно?